

А.Г. Радов

МЕНТАЛЬНОЕ И «ОБЪЕКТИВНОЕ» ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Работа находится на узкой грани между нормативной и дескриптивной методологией. Это новое направление в методологии науки — методология в действии. В статье социологические эмпирические исследования представляются в виде особых пространств, могущих выступать объектами социологического анализа. Предлагается и аргументируется модель с объективным (реальным), ментальным и идеальным (нормативным) пространством эмпирических социологических исследований. С помощью данной модели, а также вводимых специальных понятий анализируется уникальный массив данных, полученный в ходе двух независимых исследований (методом контент-анализа) на одном объекте — статьях самого высокотиражного социологического журнала России «Социологические исследования». Данные представляются графически с помощью редко используемой трудоемкой техники картоидов — карт идеальных пространств. Канальным фактором, позволяющим делать вывод о структуре и принципах воспроизводства российских эмпирических социологических исследований, выступает место проведения исследования. Автор делает ряд выводов о структуре и принципах воспроизводства различных элементов в пространстве современных эмпирических исследований в России и дает оценку некоторым особенностям эмпирической социологии в целом.

Ниже осуществляется попытка проанализировать следующее. Во-первых, то, что, как полагают социологи, изучается в ходе прикладных социологических исследований, и то, что мы изучаем в реальности, понимаемой нами как *действительность*. Во-вторых, образ «России-социологической», т. е. России, реконструируемой из эмпирических социологических исследований, проводимых на ее территории. И в-третьих, методико-технический комплекс, который может быть использован для исследования некоторых характеристик науки в целях объяснения основных тенденций в ее поле и предсказания воспроизводства элементов, ему принадлежащих. Фактически нами изучалась и анализировалась топонимика — т. е. места проведения эмпирических исследований. Это не случайный выбор: для современного прикладного исследования место его проведения почти всегда присутствует в объяснении его результатов как один из факторов. Согласно всем учебникам и методическим пособиям, указание места проведения исследования — это

необходимое условие для оглашения его результатов, корректности анализа и валидности экспликации полученных данных на эпистемологически определяемую генеральную совокупность.

С точки зрения реалиста, эмпирическую социологию можно представить как поле взаимодействия разного рода реальностей. Определение того, что есть «реальность», всегда достаточно противоречиво. Я буду понимать под реальностью то, *что определяет наши установки и действия, является ими или их результатом*. Под термином «пространство» я ниже понимаю некоторое множество структурных и динамических элементов определенного рода, объединенных конвенционально устанавливаемыми эпистемологическими рамками (в нашем случае — это множество эмпирических социологических исследований в современной России). Т. о., термин «реальность» описывает онтологический, а «пространство» — эпистемологический уровень, из чего следует, что одни и те же элементы, обозначаемые этими терминами, должны быть признаны различными до того момента, пока не будет доказано противоположное. Ниже я работаю с двумя реальностями (в реалистском смысле): ментальной и реальной (объективной). Я мог бы обозначить первую как ментальный (субъективный) образ реальности, а вторую — как собственно реальность и в дальнейшем сравнивать «наше представление о...» и «реальное положение дел». Однако нет никаких убедительных аргументов полагать ментальное менее «реальным», чем объективное (методологически здесь я использую ментальное и объективное как принадлежащее соответственно миру 2 и миру 3 К. Поппера (Поппер 2002: 153–162), что прямо следует из определения реальности, данного выше. Сравнение чего-то с реальностью — достаточно популярный ход в современных науках об обществе, однако реальность в таких сравнениях обыкновенно есть не более чем личное ментальное исследователя, основанное на его личном здравом смысле. Я избираю философию, провозглашающую равностатусность на онтологическом уровне одной реальности и любой другой. Это ведет к более сложному научному языку и необходимости очень аккуратной работы с понятиями, за каждым из которых стоит долгая и неоднозначная история его применения, но это позволяет сравнивать коллективно-ментальное (обобщенный ментальный образ разных агентов в некорректной терминологии) и объективно-реальное (т. е. происходящее в некотором смысле независимо от ментальных образов агентов).

Следует вкратце пояснить, что помимо ментальной и объективной можно выделить нормативную (идеальную) реальность — комплекс норм и требований относительно объекта (его свойств), известных агенту (группе). Согласно утверждаемой схеме, ментальное (всегда) формируется под воздействием объективного, что в свою очередь формирует реальное под корректирующим воздействием нормативного.

В основу настоящей статьи положено два исследовательских проекта:

1. Проект *«Объективное пространство социологических исследований»* — описание элементов «объективной» реальности социологических исследований, касающихся его топонимики (реальные географические места, в которых проводились исследования); объект и метод: анализ документов с помощью процедуры контент-анализа по генеральной совокупности публикаций в журнале «Социологические исследования» («Социс») за 1994–2001 гг. (около 3500 статей).

2. Проект *«Объект современного российского исследования. Ментальная география»* — описание ментально-географического пространства социологических исследований, ментального образа «России-социологической», в контексте «реальных» исследований; объект и метод: анализ документов с помощью процедуры контент-анализа по отвечающей специальным критериям совокупности статей в журнале «Социс» за 2000–2001 гг. (288 статей).

Объективное пространство социологических исследований

Под «объективным» пространством социологических исследований подразумевается множество прикладных исследований, результаты которых преданы гласности (т. е. сообщениям об исследованиях присвоен некоторый статус).

Для описания пространства реальных социологических исследований был выбран массив статей журнала «Социологические исследования». Статья — легитимный акт, признаваемый и влияющий на научное сообщество, в то время как «Социс» — самый тиражный социологический журнал России, журнал Академии Наук. В изучаемую совокупность вошли все публикации (включая рубрики вроде «Обзор новых книг») во всех номерах Журнала с 1994 по 2002 г. До 1993 г. Журнал был качественно иным; исследования, о которых сообщали авторы, проводились в *другой* стране. Многие сообщения в статьях за 1993 г. — об исследованиях до 1992 и даже до 1990 г., концептуальность некоторых сводима лишь к СССР (или к СНГ), т. е. это исследования, проведенные в совсем другой, ментально и реально, стране.

Был проведен подсчет количества статей (публикаций) в Журнале, содержащих сообщения о реальных эмпирических исследованиях в России, проведенных не ранее 1992 г. (см. табл. 1). Далее подсчитывалось (с помощью процедуры контент-анализа) количество упоминаний о том, где конкретно проводилось исследование. Если упоминание об исследовании не содержало наименования конкретного топонима, такое сообщение обозначалось как «пустое». Количество «пустых» сообщений также подсчитывалось. Если исследование репрезентировало (по сообщению автора статьи) население или какую-либо группу относительно всей страны, оно считалось как «всероссийское».

Контент-анализ был скорректирован исследовательской программой. Были приняты следующие правила отбора:

- фиксировались исследования, проведенные строго после 1992 г., на территории России;
- не учитывались статистические данные, демографические исследования, т. н. «объективки», анализы материалов уголовных дел и т. п., а также данные по микропереписи 1994 г.;
- сообщения о психологических и социально-психологических исследованиях подсчитывались, если автор соотносил их с социологией или изучал «социологические» (по его мнению) проблемы;
- было введено понятие «авторский концепт». При упоминании прикладных исследований в нескольких регионах, или регионе и его центре, или нескольких поселках одного региона, сообщение рассматривалось не по количеству упомянутых топонимов, а относительно чего автор репрезентирует данные; точно так же, если сообщается об эмпирических данных разных лет, названных «этапами» одного исследования, то такое сообщение считалось содержащим упоминание об одном исследовании, если же автор онтологически разделяет свои данные, мы следовали ему. «Концепт» определял статус сообщения везде, где это было возможно: таким образом мы пытались снизить роль субъективного фактора при применении процедуры;
- лонгитюды принимались за одно исследование, мониторинги и панели — согласно «концепту»;
- сообщения вроде «согласно данным наших исследований» или «согласно мониторингам ВЦИОМ» получали статус сообщения об одном исследовании и относились к «пустым»;
- при исследовании документов сообщения относились к тому топониму, в котором документ был создан; если это были документы федерального значения — к России (но только при «концепте»), если нельзя было выяснить природу документа — к «пустым»;

— при кросскультурных, международных исследованиях, в случае неупоминания топонима они считались репрезентирующими всю Россию, в случае наименования топонима брался топоним (на основании «концепта»);

— был выбран режим «наибольшего доверия»: если контекстуально можно было сделать вывод о том, где производилось исследование, то оно не маркировалось как «пустое», а относилось к определенному топониму на основании качественной оценки;

— сообщения не считались «сообщениями», когда им присваивался другой статус — если они выступали в качестве метафор, аналогий или как пример: в статьях, посвященных проблемам методики и техники прикладных исследований.

Всего в совокупность вошло свыше около 3500 публикаций за 8 лет (с 1994 по 2001 г. включительно). На этом временном промежутке исследование в том виде, в каком оно подпадает под формат и соответствует цели и задачам конкретной работы, было приостановлено.

Таблица 1

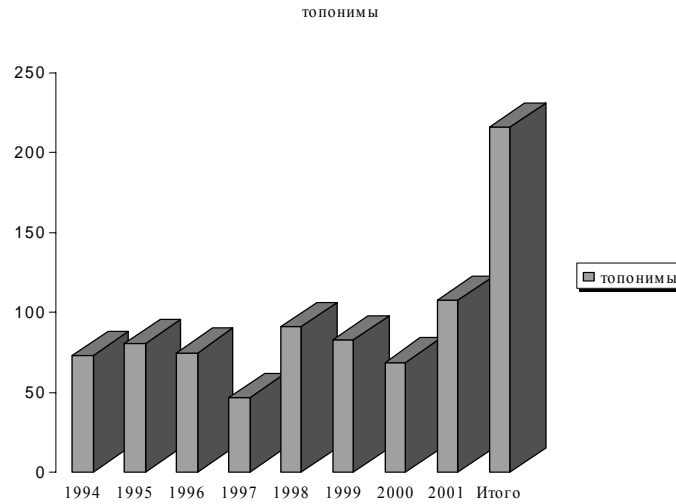
Количество статей с сообщениями о прикладных социологических исследованиях в России 1992–2001 гг.

год/номер	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	итого
1	8	13	4	8	11	8	8	7	67
2	6	9	14	3	8	12	9	17	78
3	10	8	9	8	3	7	12	13	70
4	4	10	10	10	11	10	12	17	84
5	6	9	5	8	10	16	15	11	80
6	4	10	10	8	8	11	10	12	73
7	14	5	6	6	11	8	15	15	80
8	10	5	11	21	17	14	7	10	95
9	*	8	14	7	4	8	11	12	64
10	9	10	7	20	11	0	15	3	75
11	10	8	7	9	22	15	17	13	101
12	8	5	7	16	12	14	17	10	89
Итого	89	100	104	124	128	123	148	140	956
В среднем за номер	8,090909	8,333333	8,666667	10,333333	10,66667	10,25	12,33333	11,666667	

Результаты и их анализ

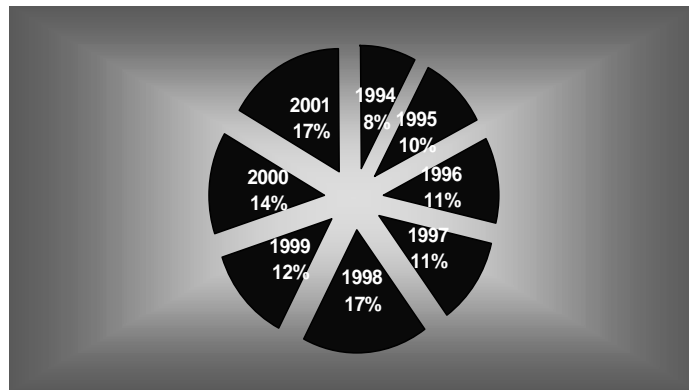
Из всех публикаций за все годы меньше четверти (956) содержали хотя бы одно упоминание о реальных социологических исследованиях, проведенных на территории России после 1992 г. Количество статей (публикаций) «с упоминаниями» растет год от года (формат выпуска журнала за это время не менялся). Это хорошо видно на графике 1.

График 1. Количество упоминания различных мест реальных исследований

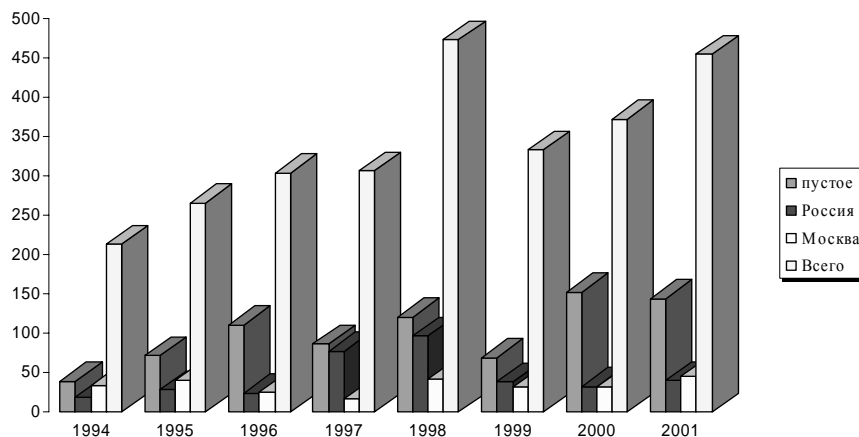
Небольшой «провал» в 1999 г. связан с тем, что журнал № 10 был «посвящен» Украине и ни одна публикация в нем не обращалась к исследованиям на территории России. Тематические номера по географическому принципу — довольно частое явление для «Социса»: публиковались такие «подборки», как материалы социологов Казахстана, Башкортостана, Севера, Сибири. Что касается небольшого уменьшения количества «статей с исследованиями» в 2001 г., то это следствие явления, которое мы назовем *коррекцией структуры* относительно пространства, возможно, вызванной резким взлетом количества «статей с исследованиями» (со 123 в 1999 г. до 148 в 2000 г.). Итак, от 89 статей («эмпирического характера») за 1994 г. (в этом году один из номеров был «сдвоенным») и 100 в 1995 г., до 148 в 2000 г. и 140 — в 2001 г. Этот результат можно объяснить исходя из объективного (относительно нашего предмета изучения) процесса развития социологии (в том числе и инфраструктуры исследований) в современной России (см. график 2 — среднее количество статей с сообщениями об эмпирических исследованиях за номер, по годам).

График 2. Воспроизводство сообщений о реальных исследованиях

Соответственно возрастает на протяжении нашего временного промежутка общее количество сообщений (см. график 3).

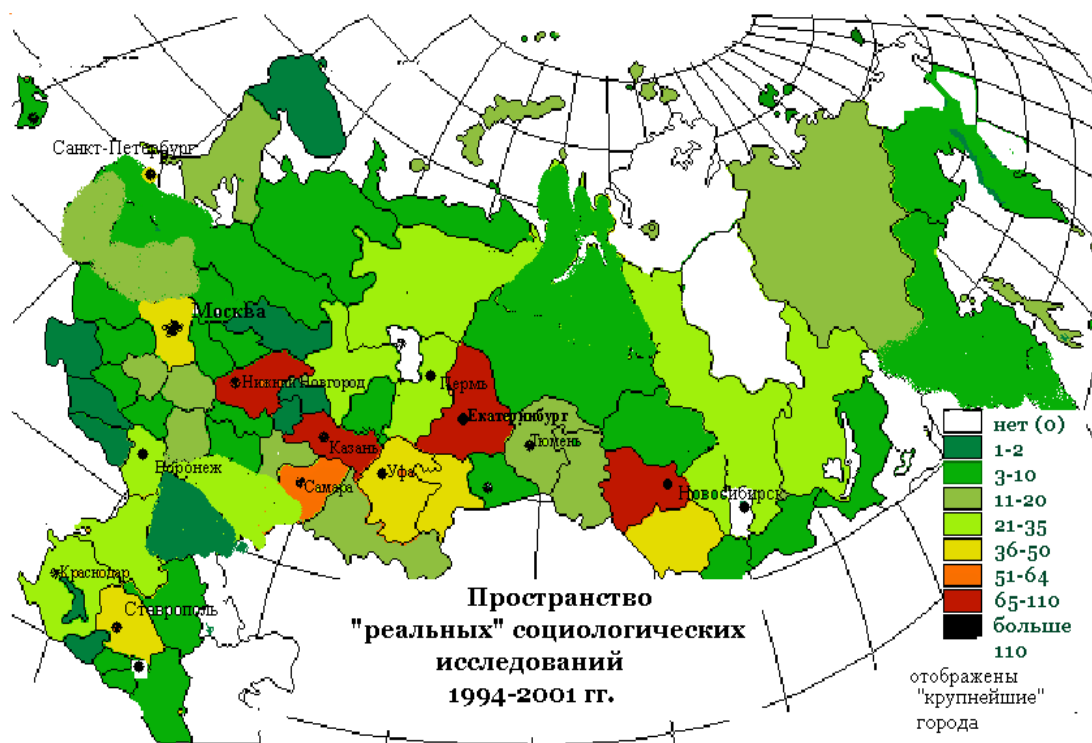
График 3. Воспроизводство некоторых элементов относительно общего числа сообщений

Вне логики развития — 1998 г., за который всего было отмечено 474 упоминания отдельных исследований, примерно в полтора раза больше, чем в предыдущий и почти во столько же — чем в последующий. Сравним этот результат с тем, сколько различных топонимов выступали в качестве мест для исследования. Всего (принимая во внимание понятие авторского концепта) за все годы сообщения содержали упоминания о конкретных проведенных эмпирических исследованиях в 216 различных географических мест. Однако в среднем за год сообщалось об исследованиях лишь в примерно в 78 различных местах, т. е. если на итоговой «карте» исследований оказалось не так много белых пятен, «куда не ступала нога социолога — автора Социса», то в любой взятый отдельно год таких «пятен» множество (см. картоид 1).

Картоид 1.

**«Объективное» пространство прикладных социологических исследований в России
1994–2001гг.**

Учитывая эти результаты, можно сказать, что каждый новый год диктовал изучение новой России, новую географию исследований. Это некоторым образом подкрепляет тезис о «трех китах», служащих порождению новой эмпирической работы — актуальности, легкодоступности и экономической притягательности места. А резкое расширение географии проведения реальных исследовательских работ (с 47 различных мест проведения исследований в 1997 г. до 91 в 1998 г.) вызвано, представляется, следующим. В 1996 г. прошли «драматичные» (т.е. *актуализированные* социумом — см. ниже) выборы президента, поэтому в материалах за 1997 г. очень много анализа вообще, без исследования проблемы, или для подкрепления рассуждений приводятся данные всероссийских мониторингов или исследований, во множестве проведенных во время, до и после выборов. В 1998 г., по необходимости, произошла «коррекция пространства структурой». Однако помимо «коррекции» есть и чисто рациональное объяснение, основанное на том, как функционирует академический журнал. Кажется вполне логичным, что многие исследователи продолжали в 1996 и 1997 г. отправлять свои политически не ангажированные исследования в редакцию, но «время на дворе» было другим и эти статьи остались до тех времен, когда актуальность обсуждения итогов выборов 1996 г. пошла на спад. А когда эти исследования были опубликованы, они заняли место таких материалов, как сообщения о круглых столах или статьи чисто теоретического плана.

Можем ли мы назвать 1998 г. годом, в который пространство социологических исследований именно *трансформировалось*? Как бы то ни было, с этого времени характер воспроизводства пространства социологических исследований действительно стал качественно иным.

В среднем количество упоминаний отдельного топонима за каждый год — 2,45. Это число было получено после отбрасывания всех «пустых» и «российских» сообщений. Можно сказать, что *мы не только не знаем (практически не имеем социологической информации) некоторых областей, но и те, которые «знаем», знаем не глубоко*. Действительно, можно ли говорить, что я знаю «проблематику» Нижегородской области, если информация, мне предоставленная — это три опроса студентов относительно их ценностных ориентаций?

Интереснее случаи, когда *вроде бы* социологическая информация предоставлена, а «на самом деле» это не так. В некоторых регионах исследования все же проводились, однако ни одно из них не было концептуализировано относительно области (района, республики). Очень хороший пример (массив 2000–2001 гг.) — Ханты-Мансийский АО (ХМАО). В окружном центре — Ханты-Мансийске за 2000–2001 гг. было осуществлено (и приведено в публикациях) шесть разных исследований (для сравнения во всем Алтайском крае вместе с крайцентром Барнаулом — лишь пять), однако нет ни одного сообщения об эмпирических работах в самом автономном округе. Такое противостояние центра и провинции наблюдается в Волгоградской области, Карелии, в Ленинградской области, где, правда, несколько иная картина — тут есть второй «центр» (помимо Санкт-Петербурга) — в Выборге. Итак, 6,46 — именно столько раз в среднем за все восемь лет обследовались разные объекты в каждом топониме (если отбросить «крайние точки» вроде Москвы или Екатеринбурга, получится еще меньше).

Перейдем к анализу проблемы «пустых» сообщений, т. е. сообщений, отнесенных к сообщениям об исследованиях, но проведенных неизвестно где (напр.: «наше исследование проходило в пяти регионах страны» или «на основании глубинных интервью с восьмью респондентами можно сказать, что» и т. п.). *Их количество в период с 1994 по 2001 г. колеблется между одной третьей и одной четвертой от числа всех сообщений вообще, т. е. каждое третье-четвертое сообщение «пустое».* Принимая, что критерий отбора «пустых» может быть улучшен (или не иначе задан), а также то, что некоторая часть «пустых» — это мониторинги, обладающие, по мнению авторов статей, видимо, *мистической доказательной силой*, все равно, практически любое сообщение, засчитанное нами как «пустое», есть нарушение формы подачи сообщений об измерениях в социологии, позволяющее, в итоге, интерпретировать их результаты с гораздо большей долей субъективизма. *В 2000 г. их количество составляет чуть меньше половины (152 против 373). Уже указывалось, мы не считали фразы вроде «как сообщают социологи» или «по данным социологов» как сообщения о реально проведенных эмпирических исследованиях. Факт в том, что нам встретилось множество статей, в принципе основанных на сообщениях об исследованиях «нигде».* Корреляция между двумя рядами чисел («пустыми сообщениями» и «сообщениями вообще») является значимой и достаточно высокой — строго 0,8 (мы имеем основания для выведения коэффициента корреляции между этими рядами, потому что они являются суммами больших массивов «базовых чисел»).

В социологии сообщение о проведенном исследовании похоже на формулу, и научная добросовестность четко диктует прописывание в этой «формуле» хотя бы «когда, где и кого». Однако даже если отбросить «маргинальные» случаи вроде «7 % россиян считают, что...» или «по данным наших исследований выходит...», часто «формула» имеет вид, далекий от того, как он представляется в обычных учебных пособиях или курсах по общей социологии. Автор не настаивает, что все, отнесенное им к категории «пустое» — есть неполная формула. Некоторые мониторинги (возможно, «всероссийские») также относились к категории «пустое», т. к. авторы никоим образом не описывали их концептуально. Более 25 % от общего числа сообщений об исследованиях, репрезентирующих непонятно где располагающуюся совокупность — не то число, которое можно назвать «случайным» или «нормальным». В одном из номеров подряд были приведены данные опросов одного из Центров: 14 штук «мониторингов», без указания специфики выборки, методики и техники замеров и какого-либо анализа. Количество пустых сообщений не возрастает и не снижается за анализируемый нами период, хотя самое меньшее их число относительно всех сообщений было отмечено в 1994 г. — около пятой части. Нельзя говорить о подтверждении нашего тезиса о росте субъективного знания социолога о его объекте, в ходе которого социологу не нужно проводить обследование, чтобы знать, но можно лишь упоминать о некотором

исследовании, чтобы не выглядеть голословным. *Описание исследования все больше относится к сфере этоса ученого, а не к его методологической культуре.*

Интересно, что обычно «нигде» изучаются девиантные объекты: дети, женщины (в рамках специальных гендерных исследований), солдаты, бомжи. И, как можно было ожидать, сообщения об исследованиях с применением т. н. качественных методов редко содержат конкретную топонимику.

Воспроизводство в сообщениях такого элемента, как «всероссийские исследования» (или приравненные к ним), в 1997–1998 гг. также качественно и количественно изменилось. Кстати, помимо упоминавшейся причины, запустившей механизм актуальности (социальной значимости) проблемы — выборов Президента 1996 г., на этот период приходится война в Чечне, т. е. идет она с 1994 г., а в поле науки как проблема входит чуть позже. Реальных исследований в Чечне за все годы было проведено пять (относительно массива). Зона боевых действий вообще не располагает к нахождению там интервьюера с анкетой, но война обозначила необходимость социально-философских публикаций, или, если не пытаться навешивать ярлыки, публикаций на тему «Куда идешь, Россия?», что подразумевает большее количество упоминаний как всероссийских опросов (специфика предмета), так и «пустых» сообщений (специфика социальных философов-обществоведов). «Большая часть социологических центров обладает возможностями проводить измерения практически в любой точке России (исключение составляет Северный Кавказ)», — указывает в своей статье П.В. Малышева (Малышева 1996: 134). Стоит сразу отметить, что указанные «центры» фактически исключают из России не только Северный Кавказ. Данные всероссийских опросов (или приравненные автором к ним) — это данные, полученные с нескольких точек измерения, расположенных именно там, где они расположены, и никоим образом не могущие репрезентировать то, что находится за их пределами. Любое исследование в Туре (центр Эвенкийского АО) может дать более полезную и менее тривиальную информацию, чем мириады мониторингов по Красноярскому краю с точками опроса в Красноярске, Новоенисейске, Норильске и «селах» по Енисею выше Красноярска. «Не столь уж редкий случай, когда данные исследований, проведенных в крупных российских городах, экстраполируются на всю страну» (Канин, Нещадина, Трубина 1993: 14). Стоит ли отмечать, что в нашем исследовании мы не встретили ни одного упоминания об эмпирических работах в большинстве т. н. автономных округов, кроме ХМАО и ЯНАО, причем в последних исследования определяются не «научной актуальностью», а их бурным экономическим ростом. Как в таком случае мы можем понять особенности такой структуры, как автономный округ? Поскольку об этом зашла речь, то *за восемь лет в Журнале не было упоминаний ни об одном исследовании в Курске, Липецке, Мурманске, Орле и т. д.* (см. картоид 2).

Картоид 2.

«Малоизученные» области объективного (реального) пространства

Рассмотрим несколько характерных для массива данных ситуаций. Первая касается исследований в Чеченской республике. Да, с 1994 г. есть сообщения о четырех исследованиях на ее территории (два — в г. Грозном). Однако три из них имеют весьма спорный статус. Одно (в 1999 г.) организовали и провели сотрудники организации «Мемориал», хотя «концепт» позволяет его трактовать как социологическое. Второе — опрос, проведенный социологами, но на пограничном КПП. Анонимность такого опроса, характер выборки и аутентичность данных, после прочтения статьи, вызывают большие вопросы. Третье — опрос солдат части на территории Чечни (в данных опроса военнослужащих всегда много сомнений). И лишь четвертое (1994 г., Грозный) — часть некоего большого опроса (опять именно опроса) населения Северного Кавказа. За период 2000–2001 гг. в нашем исследовании ментального пространства (см. ниже) в Журнале было множество статей, так или иначе рассматривающих чеченские проблемы. В контексте реальных исследований топоним «Чечня» употреблялся 102 раза, а «реальных» исследований в Журнале — лишь два. Подобную картину можно наблюдать и относительно других топонимов — элементов пространства исследований (см. картоиды 2–3). Конечно, можно предположить, что есть некоторые «тайные данные», которыми руководствуются социологи. Однако более рациональным выглядит объяснение, что большую часть своих выводов социологи строят на том же материале, что и не ученые, что каналы информации, а главное, доверие им и желание использовать предоставляемые ими данные, у социолога и его объекта — одни и те же. Повторим, что проблема тут не только в том инструменте, что у нас имеется, но в том, что *подтверждая или опровергая свои гипотезы эмпирией (если до этого доходит дело), социолог стремится в большей степени соотносить их со здравым смыслом и «телевизионной реальностью», чем с данными своих исследований.*

Вторая «ситуация» связана с исследованиями в Москве и Санкт-Петербурге. Количество исследований в Москве поражает (они занимают первое место по массиву, на втором — «всероссийские», на третьем — Екатеринбург). Считая реальные исследования, очень часто автор не мог воспротивиться подаче материала в статье, основанной на ментальной карте социолога, ее написавшего. Когда приводятся данные всероссийских опросов (например, 48 регионов в выборке), а весь материал подается в сравнении с результатами в Москве и

Петербурге, то понятие «авторского концепта» спасает нас, концептуализация диктует только всероссийское исследование. Но ничего нельзя поделать, когда в статье пишется: «ряд наших исследований в регионах, в частности, в Москве», то по необходимости следовало считать два сообщения: для топонима «Москва» и «пустое» для «ряда исследований». Интересны данные по Санкт-Петербургу относительно его ментального образа в «Социсе» за период 2000–2001 гг. В ментальном пространстве Петербург делит по числу упоминаний второе-третье место с Чечней, в то время как реальных исследований (по сообщениям) там проводилось столько же, сколько в Самаре, Нижегородской области, их количество соотносимо с числом эмпирических работ в Башкортостане, Ставропольском крае. В массиве за восемь лет воспроизводство исследований в Петербурге было менее непрерывным, а их общее число уступило количеству сообщений об исследованиях в Екатеринбурге, который, в отличие от Петербурга, не является субъектом Федерации.

Ментальное пространство социологических исследований

Если ученому кажется, что он в некотором смысле *изучил* нижегородцев, опросив 50 студентов педвуза, то, сообщая о своем исследовании, он ставит науку в известность именно о нижегородцах (и тех проблемах, которые он им приписывает), а это, несомненно (хотя и в разной степени, в зависимости от резонанса сообщения), определяет образ Нижегородской области, проблем, в ней стоящих, и даже может влиять на будущие события в области.

В данном проекте объектом также выступали статьи в журнале «Социологические исследования». В совокупность вошли статьи, в которых описываются исследования (теоретические и практические), проведенные на территории Российской Федерации (не ранее 1991 г.), аналитические материалы, заметки и т. п. Предмет выражен во множестве топонимов, элементов ментального пространства, также нас интересовал характер и специфика их употребления авторами.

До проведения исследования ментального пространства предполагалось следующее:

— содержащиеся в социологических исследованиях географические наименования могут сформировать круг интересов современной российской социологической науки, основанный на а) легкодоступности, б) экономической притягательности объекта и с) чрезмерной актуализации определенного объекта;

— некоторые географические названия будут иметь не столько географический характер, сколько ментальный. Конечно, поскольку мы исследуем ментальное пространство, постольку мы получаем ментальный характер, присущий элементам, его составляющим. Однако авторы статей имели виду не ментальное пространство, а реальное, используя топонимы в статьях, в которых упоминаются прикладные исследования;

— число таких упоминаний будет зависеть от того, насколько некоторый элемент (топоним) выступает как метафора;

Исследование осуществлялось с помощью процедуры контент-анализа, основанной как на количественных, так и на качественных характеристиках. Представляется, что ментальный образ «России социологов» может быть составлен путем подсчета упоминаний топонимов и анализа характера этих упоминаний на основании определенных критериев (см. ниже) в статьях, носящих теоретический или прикладной характер, в крупнейшем российском социологическом журнале, где печатаются результаты исследований разного характера.

В качестве исследуемой совокупности выступали все статьи во всех номерах журнала «Социс» за 2000 и 2001 г. На основании ряда критериев (см. ниже) были вычленены статьи, содержание которых соответствует цели исследования. Таким образом была изучена генеральная совокупность статей за определенный временной промежуток, содержащих упоминания конкретных топонимов в контексте конкретных эмпирий. Исследование было

остановлено, когда полученная эмпирическая база дала возможность сделать выводы о том, на чем строится ментальное пространство и что определяет воспроизводство тех или иных элементов внутри него.

Необходимо ввести и раскрыть понятие «дегеографизация топонима». Бывают такие топонимы, которые употребляются не только для обозначения конкретной местности, но *постоянно* используются как метафоры. Они привлекаются для сравнения, их качества служат ориентиром при определении качеств других. Конечно, любое наименование может быть выбрано для сравнения. Здесь речь идет о том, что такие топонимы для сравнения используются *часто*, т. е. хотя бы на треть их употребление не строгое. Скажем, когда мы говорим: «...на Колыму», мы не представляем себе реку на северо-востоке Якутии, но имеем в виду далекое, холодное место, с тяжелыми условиями для жизни, место (уже «слово»), в самом звучании которого нам слышится звон тюремных оков. Такие топонимы выбираются для сравнения не только в виду особенных экономических или социальных характеристик обозначаемой ими местности, но следуя традиции, или особой исторической роли, или в виду особенного географического положения, зачастую изначально воспринятого идеологически, несколько одиозным образом. Такие топонимы имеют сильный ментальный характер. Процесс, в ходе которого топоним (элемент) приобретает все больше ментальных свойств, все больше определяется ментальным пространством, мы обозначим как «дегеографизация топонима».

В журнале за 2000 и 2001 г. оказалась 501 статья (257 и 254 соответственно). Мы не учитывали обращений к читателям, информации об издании новых книг, блоков типа «Историческая социология», «История социологии», «Социологическое наследие», «Обзор новых книг» и схожих с ними, не имеющих отношения либо к России, либо к современности, либо не содержащих вовсе материалов или «рассказа» об исследованиях (как практических, так и теоретических).

Чтобы попасть в изучаемую совокупность, статья должна была отвечать следующим критериям:

— рассказывать о современных исследованиях (под которыми понимались проведенные за время существования «новой России», с 1991 г. включительно);

— содержать упоминание, приводить результаты или просто сообщать о конкретном исследовании, в случае с теоретическими работами — анализ;

— иметь отношение к России, ее субъектам, неважно — в практическом, сравнительном или другом плане (при двукратном упоминании расположенного в России топонима статья автоматически входила в изучаемую совокупность).

При удовлетворении большому числу из этих критериев или яркой выраженности одного из них статья включалась в совокупность. Всего таких статей в 24 номерах оказалось 288 (151 и 137 соответственно, см. табл. 2). Если статья касалась зарубежного исследования, но для сравнения приводились данные по России, или содержала исторический экскурс в историю проблемы, а затем переходила к описанию происходящего в современности, то она также попадала в изучаемую совокупность.

При контент-анализе была выделена одна вариабельная конотата, а именно, наименование топонима. В каждой статье считались все географические названия, имеющие отношение к современной России, вне зависимости от их характера (будь то строгие топонимы или дегеографизированные нарицательные наименования).

Там, где название заменялось его определением (Москва=город, Подмосковье=область и т. п.), определение считалось за название. Фиксация наименования топонима в различных объектах, институтах, организациях подсчитывалось следующим образом: например, наименование самарского предприятия («Самарский Медведь») считалось как «Самара», однако во фразе *самарское предприятие «Самарский медведь»* город Самара (как

эмпирический индикатор) получал лишь одну «галочку», как и в реальном случае «москвичи любят МГУ» (считалось один раз). «Исследование студентов МГУ» считалось как «московское», а *исследование, проведенное студентами МГУ* — нет. Не считались за упоминания топонима наименования федеральных газет, а вот публикации в местных изданиях или наименование в названии монографии — учитывались. Качественная оценка понадобилась и в случае с этническими/географическими обозначениями. Чеченцы как жители Чечни «принимались во внимание», а чеченцы как этнос в кросскультурном исследовании — нет. Главным критерием при подсчете выступало *соответствие данного употребления наименования и цели и задачам исследования*. Понятно, что считались и сокращения, вроде Ямало-Ненецкий автономный округ = ЯНАО. При сильной перегруженности текста географическими наименованиями в случае упоминания города и района, области и сел, считалось упоминание конкретного топонима один раз на абзац. По ходу проведения исследования проводилось укрупнение — районы «плюсовались» к области и проч. Подсчитывалось количество упоминаний крупных географических общностей: Урал, Сибирь и др. Упоминание севера и юга принималось во внимание, когда имелись в виду конкретные области (отдельное их выделение — как Севера и Юга Европейской части России), но не в случае их употребления как частей света.

Таблица 2.

Статьи, содержащие упоминания о прикладных исследованиях в России и наименования топонимов

год/номер	2000 М	2001 М	итого
1	12	9	21
2	8	18	26
3	13	10	23
4	14	16	30
5	16	12	28
6	8	10	18
7	14	14	28
8	9	11	20
9	12	14	26
10	15	7	22
11	14	16	30
12	16	11	27
Итого	151	148	299
В среднем за номер	12,6	12,3	12,4

В отношении каждой статьи принималось решение о ее соответствии изучаемой совокупности на основании указанных выше критериев. Ниже следует освещение результатов исследования и описание ментального пространства российских социологических исследований.

Результаты исследования и их анализ

Начнем с формальных итогов. Всего были выделены 199 конкретных и 8 общих топонимов. Субъекты были выделены на основании Конституции РФ, статьи 65, также дана информация по центрам этих субъектов. Укрупнение дано по карте Российской Федерации с масштабом 1:5500000. Все, что на карте не прописано, прибавлено тому субъекту, к которому

топоним географически относится. Надо отметить, что любая географическая карта России также несет ментальный образ. Например, на больших картах отмечаются стратегически важные города и даже села, если поблизости нет больших населенных пунктов. При однократном упоминании топонима за двадцать четыре номера считалось, что такое упоминание ближе к случайному и топоним приписывался субъекту (исключение — столицы субъектов РФ). Таким образом, из 199 топонимов 85 — это субъекты РФ и 85 — их центры. Еще 4 — это Москва, Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области, независимые друг от друга. Остальные — отдельные крупные города (*крупные* — в ментальном пространстве исследований). Помимо фактического наименования географического объекта он часто подразумевается в тексте. Такие упоминания также считались.

За 2000 г. (151 статья) встретилось 1357 упоминаний географических объектов (не учитывая общие, типа «Урал», «Сибирь» и пр.). А за 2001 г. (137 отчетных статей) — 1181 упоминание. Всего же за два года их оказалось 2538. Чаще всего за оба года упоминалась Москва — как в плане проведенных в ней исследований, так и, преимущественно, в сравнительном плане, как метафора. Частое упоминание топонима как метафоры свидетельствует о его прочном положении в ментальном пространстве. За 2000 г. Москва упоминалась 154 раза, за 2001 — 270, всего — 424. Субъекты Федерации были упомянуты хотя бы по одному разу. Это случилось благодаря одной из статей, как раз посвященной типологии субъектов РФ, с их перечислением. Строго употреблявшихся топонимов оказалось 187. Количество топонимов часто и сверхчасто выступавших в качестве метафоры — 8 и 4 соответственно. Это Москва, Санкт-Петербург, Чечня, Дагестан...

Интересно, что значительно чаще наблюдалось оперирование «понятиями» «Урал» и «Дальний Восток», чем «понятиями» «Центр», «Север», «Юг». Изучается обычно тот субъект, в котором автор находится или преподает.

Есть искушение сравнить 2 и 3 картоиды с картой плотности населения России, однако не факт, что из этого можно сделать какие-либо верные выводы. Социологи не должны изучать наиболее или наименее плотно населенные регионы. Ученые в принципе не должны изучать нечто, понимаемое обществом как *актуальное*.

Подтвердились предположения о том, что количество упоминаний того или иного топонима может зависеть от его легкодоступности, экономической притягательности и актуальности (степени актуализации). Это факторы, способствующие воспроизводству того или иного элемента ментального пространства, а тем самым, новых прикладных исследований. Исследователи обычно изучают «свой» регион: проблемные в отношении изучения регионы не только не присутствуют в качестве мест, где что-либо изучается, но и упоминаются значительно реже (например, Якутия).

Экономическая притягательность. В малонаселенном Ямало-Ненецком округе на итоговой ментальной карте отмечены два города, вошедшие в число наиболее упоминаемых. Газ не только сделал из Салехарда город — газ сделал данный округ одним из самых экономически благоприятных в России. Многие области Центральной России представлены в ментальном пространстве, по сравнению с ЯНАО или уральскими областями, менее *ярко* — бедные и ископаемыми, и землей, и финансами области.

Актуальность можно вычленилть через введенное выше понятие «дегеографизация топонима». Например, Дагестан, имеющий сильно «дегеографизированное» употребление (исходя из вышеуказанного критерия), упомянут в итоге 34 раза (что достаточно много относительно упоминаний других топонимов). Его столица Махачкала не упомянута ни разу. Получается, Дагестан привлекает внимание социологической науки: исследователей, аналитиков, а его столица — нет? Такое количество упоминаний Дагестана вызвано актуальностью проблем на Северном Кавказе (сам Северный Кавказ упоминается также часто). Слово «Дагестан» выражает уже не республику, а актуальную социальную проблему.

Можно предположить, что и по исчезновении проблемы топоним не сразу потеряет свою метафоричность. Элемент, ярко выраженный, корневой для ментального пространства, в «реальном» пространстве будет выступать несколько иначе, чем элемент, слабо выраженный в ментальном образе. Другой пример: результаты почти любого упомянутого исследования сравниваются с данными по Москве или по Москве и Петербургу. По ним «*мерят себя*». Ментальная география образа выступает как *география актуального пространства* в том числе. Актуальность — один из самых мощных порождающих механизмов воспроизводства пространства исследований. Забегая вперед, можно сказать, что, например, конкретных исследований о Дагестане в России проведены единицы (судя по данным, полученным в ходе работы по проекту «Объективное пространство социологических исследований»), не больше, чем, скажем, в Хабаровском крае. Вопрос: откуда тогда социологи берут информацию для анализа, для своих теоретических построений? Если каналом служат не эмпирические исследования, а, в лучшем случае, анализ статистической информации Госкомстата, а в худшем — все те же СМИ и неформальные каналы коммуникации, то насколько социологи вообще правомочны говорить о проблемах общества как специалисты? Видимо, только как опытные эксперты.

Понятие «актуализация» тесно связано с тем, что обычно называется «актуальностью исследования». Актуальность — это не цель и не задача для любой научной работы. Однако социальная значимость часто выступает в качестве обоснования необходимости работы. Статья может быть обоснована и через «научную актуальность». Говоря непосредственно об актуальности, Т. Кун отмечал, что имеется четкое различие «между учеными-естественниками и многими учеными в области социальных наук... Последние часто прибегают (в то время как первые почти никогда этого не делают) к оправданию своего выбора исследовательской проблемы, будь то последствия расовой дискриминации или причины экономических циклов — главным образом исходя из социальной значимости решения этих проблем» (Кун 2002: 213).

«Актуальность» — это одна из норм, настойчиво требуемых научным сообществом. Актуальность зачастую подменяет собой т. н. «постановку проблемы». Но *актуальным* нечто может быть лишь относительно определенной среды. Актуальность науки относительно любого общественного события — укоренившийся нонсенс. Старательное *прописывание* актуальности, присутствующее почти в каждой работе — это пример плохого теоретизирования, подмена теоретической работы публицистической. Связь теории и эмпирии — это вопрос концептуальной валидности любой работы, он решается по-разному, но суть — это связь эмпирических индикаторов и абстрактных теоретических конструкторов. Связи между актуальностью конкретной работы и эмпирией ни в одной из изученных статей мне обнаружить не удалось, я имею в виду некую глубинную философскую связь. «Данная проблема является актуальной потому...» — это практика, которая ведет не только к очевидному инструментальному мышлению, но и к подмене методологии набором операций; это теоретизирование, осуществляемое как ряд технических приемов, не более того. Необходимость «прописывания» актуальности работы диктует выбор тем. Тема, один раз обоснованная как актуальная, имеет больше шансов привлечь внимание исследователя, особенно в современной прикладной социологии, настроенной весьма операционально. В ментальном пространстве *изучение* в определенном месте становится возможным благодаря уже проведенным там исследованиям. Наименование топонима актуализируется, включает в себя определенные смыслы, обещает проблемы, которые в свою очередь можно будет означить как актуальные.

Проследим ментальный характер некоторых топонимов по Москве, Петербургу, ЯНАО, Чечне, и по т. н. *собираемым* топонимам (Урал, Сибирь). Там, где в отношении центральных областей употребляется строгий топоним, скажем, «Липецкая область», в

отношении восточных зачастую говорится просто «Сибирь». Это показывает ориентацию нашего мира, России, или, вернее, ориентацию профессиональной группы социологов, на те или иные объекты, расположенные в местах, статус которых в обществе высок. Например, рабочий картоид, составленный без учета «деперсонализированных» топонимов, основанный на упоминании конкретных географических объектов, без учета упоминания общностей, скрытых за наименованиями вроде «Дальний Восток» и «Урал», является неизмеримо менее точным, чем картоид 3. А в результате качественной оценки выяснилось, что половина упоминаемых общностей имеет метафорический и сильно метафорический характер, при том что «Урал» чаще выступает в качестве средства сравнения или указания на какие-то социальные закономерности, чем Сибирь. Что касается упоминания самих топонимов, то на всех картоидах отчетливо видно, как Россия должна представляться социологам — авторам журнала. Хорошо видна и главенствующая роль Москвы, и «бедственное» положение областей Центральной Европейской части страны, и Северный Кавказ, как разбуженный улей, и *основные* города. Ментальный характер топонима также можно рассмотреть через введенное понятие дегеографизации топонима. Чем более топоним дегеографизирован, тем чаще он выступает в качестве метафоры, тем сильнее его роль в ментальном пространстве. Таким образом, в ментальном пространстве свои законы воспроизводства: чем более символическим становится топоним, тем больше смыслов стоит за его названием.

По сути, каждый топоним приобретает определенный статус, в том смысле, как его понимают исследователи конфликтов или властных структур. Например, в одной статье об исследовании в Москве «Москва» (тем или иным образом) упоминается 20 раз, а в аналогичной по объему статье на материале эмпирического исследования во Владимире сам топоним упоминается три раза. При анализе подобных статей очевидна качественно различная оценка Москвы и Владимира при прочих равных условиях. Предыдущие сообщения о Москве и Владимире, усвоенные ученым-агентом, диктуют то, как он подает конкретное сообщение об исследовании. Предыдущие сообщения, известные автору статьи, диктуют то, *как* он излагает материал. Можно предположить, что проведя исследование во Владимире, ученый не хочет заострять на этом внимание, хотя бы потому, что информация, которую он непрерывно получает из разных источников, свидетельствует — исследование во Владимире *менее актуально*, чем исследование в Москве. Следовательно, наука как предприятие, ведущееся в рамках социума, тем или иным образом апеллирует к нормам и идеалам конкретной среды. Исследуя владимирских студентов — исследуешь *только владимирских студентов*, исследуя московских — вскрываешь *важную социальную проблему*.

Механизмы воспроизводства реального пространства эмпирической социологии действуют не непосредственно, а через ментальный образ этого пространства и с помощью идеальных (нормативных) представлений о нем. Иными словами объективное появляется через наше восприятие того, что мы хотим воспринимать и обозначать как реальность, с оглядкой на то, что есть реальность обычно, т. е. что считать реальностью правильно, а что — нет. Эта, если можно так сказать, конформность членов сообщества — необходима, это — залог его целостности и жизнеспособности.

Заключение

Характер эмпирической базы позволяет соотнести воспроизводство топонимических элементов ментального и реального пространств исследований за период 2000–2001 гг. Массивы данных по двум исследовательским проектам были уравновешены таким образом, как это представлено в табл. 3 (по причине очень большого количества данных здесь приводится лишь фрагмент таблицы, чтобы можно было понять принцип ее построения).

Ментальное пространство было расширено путем расчленения ранее укрупненных топонимов. Некоторые элементы воспроизводятся, как можно видеть, только в одном из пространств. Обычный коэффициент корреляции между этими массивами высок — 0,89, более того, коэффициент корреляции, основанный на критерии Пирсона (для которого важны вещи вроде нормального распределения элементов), также 0,89. Для небазовых чисел мы имеем КК (совпадающий с КК Пирсона) еще выше — 0,91. Столь высокий уровень корреляции говорит о высокой степени зависимости между массивами. Конечно, это выглядело бы тривиально, если не брать в расчет правила подсчета элементов и характер отбора статей в журнале — они сильно различаются.

В ментальном пространстве сильно воспроизведены такие топонимы, как Чечня, Дагестан, в то время как в реальном они практически не воспроизводятся. О том же говорят данные по Санкт-Петербургу. Были составлены картоиды этих пространств (см. картоиды 3 и 4).

Если сравнить третий и четвертый картоид, видно, что в ментальном пространстве малоизученные области иногда совпадают с количеством реальных исследований в них. Общая проблема заключается в том, что в «реальности» мало изучена вся периферия, все границы нашей страны — Дальний Восток, Брянская область или Северный Кавказ, в ментальном таковой выглядит лишь *незначимая* периферия, а, например, границы со странами бывшего СССР и области, к ним прилегающие, выглядят изученными. Весь Север России изучен слабо, даже Северо-Запад — Кольский п-ов, Карелия, Ленинградская обл. В ментальном образе эти области имеют более высокий статус.

Равновесная таблица 3.

Объективное	2000	2001	итого	Ментальное	2000	2001	итого
Республика Адыгея				Республика Адыгея	4		4
Республика Алтай	2	3	5	Республика Алтай	18	9	27
г. Горно-Алтайск				г. Горно-Алтайск	1	1	2
Республика Башкортостан	3	8	11	Республика Башкортостан	18	35	53
г.Уфа	2	3	5	6. г. Уфа	8	6	14
г.Нефтекамск				г. Нефтекамск	1		1
Республика Бурятия	1	1	2	7. Республика Бурятия	10	6	16
г.Улан-Удэ		3	3	8. г. Улан-Удэ	3	4	7
Республика Дагестан	1		1	9. Республика Дагестан +	28	4	32
Буйнакск				Буйнакск	1		1
Каспийск				Каспийск	1		1
Республика Ингушетия		1	1	11. Республика Ингушетия	8	1	9
г.Назрань*		4	4	12. г.Назрань*		5	5
Кабардино-Балкарская республика		1	1	13. Кабардино-Балкарская республика	3	1	4
г.Нальчик		3	3	14. г. Нальчик		3	3
Республика Калмыкия				15. Республика Калмыкия	21		21
г.Элиста	1	1	2	16. г. Элиста	1	1	2
Карачаево-Черкесская республика				17. Карачаево-Черкесская республика	3		3
Республика Карелия				19. Республика Карелия	13	2	15
г.Петрозаводск		2	2	20. г. Петрозаводск		3	3
Республика Коми		1	1	21. Республика Коми	10	3	13
г.Сыктывкар	2	1	3	22. г. Сыктывкар	7	2	9
г.Воркута				23. г. Воркута		2	2
г.Инта				г. Инта	1		1
Республика Марий Эл				24. Республика Марий Эл	13		13
Республика Мордовия		1	1	26. Республика Мордовия	1	6	7
г.Саранск		1	1	27. г. Саранск		3	3
И т.д....	И т.д....
...

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что коллективная ментальная реальность — образ эмпирической социологии, порождающий множество реальных исследований, как и идеальное — корректирующее их, не являются искажениями реальности. Это особые реальности, познание и коррекция элементов которых необходимы для анализа проведенных исследований и планирования новых, вплоть до составления прогностических моделей тенденций развития научных исследований в целом.

Картоид 3.

**Ментальное пространство социологических исследований
2000–2001гг. (по журналу «Социс»)**

Картоид 4.

**«Объективное» пространство социологических исследований
2000–2001гг. (по журналу «Социс»)**

Литература

Канин В.К., Нещадина А.А., Трубина Л.В. Синусоиды общественного мнения // Социологические исследования. 1993. № 7.

Кун Т. Структура научных революций. М.:ООО «Издательство АСТ», 2002.

Мальшева П.В. Социологические исследования на рынке услуг // Социологические исследования. 1996. № 5.

Поппер К.Р. О теории объективного разума // Объективное знание. Эволюционный подход.
М.: Эдиториал УРСС, 2002.